

Пшеничное зерно

ДЖЕЙМС НГУГИ
Кения

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

ДЖОН Томпсон сегодня в Найроби так и не выбрался. Даже в обеденный перерыв он не выходил из своего кабинета — делал вид, что работает. Время от времени он вставал — долговязый, типичный англичанин, — подходил к стоявшему у стены шкафу, вытаскивал одну из папок и возвращался к столу. Худое, обветренное лицо его с выцветшими глазами при этом сохраняло отсутствующее выражение, мысли витали далеко, хотя тонкие пальцы привычно ощупывали каждый листик в папке, прежде чем поставить ее на место. Изредка он откидывался в кресле, задумчиво водил ладонью по щекам, собирая кожу в складки около рта; блуждал взглядом по чистой промокашке, авторучке, вазочке для карандашей, чернильному прибору — все на своих местах, — потом переводил глаза на потолок, беленные известкой стены, слозно доискиваясь до сокровенной причинной связи окружающих его вещей. В голове был полный сумбур.

Откинувшись на спинку кресла, он развернул свежий номер «Ист-Африкэн стандард» — старейшей ежедневной газеты в Кении. Пробежав сообщения о назначенных на четверг торжествах, он передернулся от смутного ощущения измены, предательства. Он не мог бы сказать, что именно вызывало это чувство. Пожалуй, та готовность смириться с происходящим, которая сквозила в тоне статей, появлявшихся в газете в последнее время. Вот недавно на первой полосе поместили портрет новоиспеченного премьер-министра... Увидев его, Томпсон зажмурил-

ся и поскорее перевернул страницу. Потом он устыдился своего поступка, но все же не мог заставить себя вновь взглянуть на фотографию. Томпсон уже знал, что на празднике независимости королеву будет представлять герцог Эдинбургский. Любое напоминание об этом отзывалось в душе тогливой болью. Герцог вынужден глядеть на то, как опустится британский флаг, чтобы никогда уже не реять впредь над этим берегом Альбиона. Еще горше делалось Томпсону, когда он вспоминал, как королева — в то время еще принцесса — приезжала в Кению в 1952 году. Томпсон — он был тогда районным комиссаром — удостоился пожать ей руку. Сердце, казалось, вырвется из груди. Он готов был для нее на все, с радостью встретил бы смерть, лишь бы подтвердить свою верность той идее, которую воплощала принцесса, ее улыбка. Томпсон отбросил газету и встал. В повлажневших глазах горел отблеск пережитого некогда восторга. Он подошел к окну, бормоча про себя: «Ах, глупец, смешной, наивный глупец!».

Мимолетное волнение исчезло, осталась только тяжесть под ложечкой. Он глядел из окна на давно знакомый вид: рифленое железо на крышах лабораторий, левее — стеклянные домики теплиц. От шоссе к теплицам шла мисс Линд. Когда она скрылась за углом, из-за химической лаборатории выскочил коричневый, с черными подпалинами, дог и стремглав помчался догонять хозяйку. Справа от Томпсона в тени библиотеки расположилась на травке группа африканцев. По ту сторону лужайки за большими окнами химической лаборатории виднелись сложные переплетения стеклянных трубок. Как тихо и мирно здесь! А что будет после четверга? Месяц, от силы два — от мензурок и колб останутся одни осколки на грязном цементном полу, теплицы и парники зарастут сорняками, а газон превратится в джунгли...

Обогнув химическую лабораторию, на лужайку снова выскочил дог, обнюхивая траву. Вот он замер, вытянул морду в сторону библиотеки. Томпсон насторожился. Корогко залааяв, пес стрелой понесся через двор, целясь на сидевших на траве африканцев. Те с криками кинулись врассыпную. Один замешкался, и собака прыгнула на него. Человек пытался удрать, но пес прижал его к стене. Тогда африканец нагнулся, рукой нашарил камень и поднял его над головой. Томпсон похолодел. Но тут появилась мисс Линд, что-то крикнула псу. Томпсон перевел дух и понял с удивлением, что разочарован: в глубине души он жаждал кровавого зрелища.

Выйдя из своего кабинета, он пошел по траве к библиотеке. Африканцы уже снова были там. Мисс Линд левой рукой держала пса за ошейник, а указательным пальцем правой укоризненно размахивала перед носом Каранджи.

— Мне за тебя стыдно! — говорила она, вкладывая в слова максимум презрения. Каранджа потупясь смотрел на нее со страхом и злостью. На лбу еще блестели капельки пота.

— Пес... пес сам бросился, мэмсахиб, — заикаясь произнес он.

— Не ожидала от тебя — швырять камни в мою собаку!

— Я... я не швырял...

— Какие же вы все лгуны! — перебила она его, обводя глазами собравшихся. Потом снова повернулась к Карандже. — Да ведь я сама видела камень у тебя в руке! Зря я вмешалась — он бы тебе задал перцу. Вот слущу его сейчас...

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 3 за 1969 год.

Подожел Джон Томпсон, африканцы расступились, пропуская его вперед. Мисс Линд перестала отчитывать Каранджу и улыбнулась. Каранджа с надеждой поднял голову. Африканцы притихли, уставились на белого начальника. Внезапная тишина и обращенные к нему взоры действовали Томпсону на нервы. В памяти всплыл концентрационный лагерь Рира, тот день, когда заключенные объявили голодовку... Сейчас он почуял ту же враждебность в воздухе. Главное — не терять достоинства, что бы ни было! Не глядя ни на кого в отдельности, он произнес первые пришедшие в голову слова на суахили: «Я разберусь», — и тут же понял, что совершил ошибку: фраза прозвучала как извинение, как уступка... Все заговорили разом, кричали и указывали на пса. Каранджа глядел на босса благодарными глазами. Томпсон положил руку на плечо мисс Линд и увел ее.

Они шли по узкой галерее, соединявшей библиотеку с административным корпусом. Мисс Линд без умолку говорила что-то. Томпсон не разбирал слов. Тени минувшего, призраки Риры еще не вернулись в небытие...

— Независимость вскружила им голову, даже лучшие из них отбились от рук.

Следовало бы рассказать ей, как было дело. Ведь собака могла искушать Каранджу. Секретарь местного отделения профсоюза африканских служащих не раз приносил жалобы на дога. Административный секретарь в ответе за все, в том числе и за отношения между белыми сотрудниками и черными рабочими...

Очувтившись на обнесенной проволочной изгородью делянке с молодыми деревцами, они уселись на траву. Томпсон все тянул с началом разговора — ведь тогда придется объяснить, почему он сам бездействовал, не окликнул собаку, не остановил ее.

— Вообще-то черномазый не виноват, — начал он наконец. — Я видел, пес действительно сам на него бросился.

Как и большинство живших в Кении европейцев, Томпсон любил домашних животных. Особенно собак... В прошлом году они с Марджери ехали в Найроби, на спектакль в городском театре. По дороге из Гитхимы в столицу почти нет селений. Быстро стемнело. Внезапно в свете фар на шоссе метнулась собака. Томпсон вполне мог затормозить или погудеть — времени было предостаточно. Но он только крепче сжал баранку. Боже упаси, он не хотел убивать пса — просто он внушил себе, что это неизбежно. То же оцепенение напало на него, тот же столбняк, что и сегодня. Раздался визг, и тут он очнулся, резко нажал на тормоз и, прихватив фонарик, вышел из машины. Вернулся назад, обшарил обочины, но собаки не нашел. Не было видно и крови. А ведь он четко ощутил глухой удар, услышал визг. Когда он вернулся, Марджери тихо всхлипывала, уткнувшись лицом в сиденье. Томпсон никак не мог совладать с охватившей его дрожью — ничего подобного с ним раньше не бывало.

— Надо посмотреть под машиной, — все еще плача сказала Марджери.

Он снова вылез и заглянул под колеса, но и там ничего не оказалось. Они поехали дальше, а он все не мог прийти в себя — точно человека убил.

Когда дог накинудся на Каранджу, в голове Томпсона молнией прошло воспоминание об этом случае. И теперь, рассказывая мисс Линд о происшедшем, он путался, не мог разграничить то, что было на самом деле, от пережитой им бури чувств.

Тут он с неудовольствием отметил, что мисс Линд почему-то плачет. «Фу, как неловко вышло», — по-

думал он и отвернулся. Дог, рыскавший вокруг них, остановился и поднял ногу у молодого камфарного деревца.

— Простите, — всхлипывая выдавила мисс Линд, вытирая белым платочком слезы. Она была седая и старая, сухая кожа на лице шелушилась. Каждый день она одиноко блуждала по территории станции среди парников, лабораторий и теплиц, похожая на привидение.

— Незачем расстраиваться из-за пустяков, — сказал он, не поворачиваясь, невольно следя за псом.

— Я стараюсь сдерживаться, но я... я... ненавижу их. И ничего не могу с собой поделать. При одном их виде я тут же вспоминаю... вспоминаю...

Томпсон заерзал на траве, чувствуя страшную неловкость. Ах, если бы можно было уйти!.. Но мисс Линд прониклась к нему внезапным доверием, в такие минуты люди делятся с посторонними всеми своими бедами и страхами. И она рассказала ему про то, что искалечило, осквернило ее жизнь.

Было это в дни чрезвычайного положения. Она жила тогда в Мугуге, в старом бунгало, утонувшем в густом кустарнике по самую крышу. Она любила этот дом, уют спокойствия и одиночества. Нескольким раз районный комиссар предлагал ей ради ее же безопасности переехать в Гитхиму или в Найроби, но она и слышать об этом не хотела: рассказы о женщинах, убитых на пустынных фермах, не пугали ее. Совесть ее была чиста. Она приехала в Кению работать, а не заниматься политиканством. Она полюбила эту страну и ее чудесные ландшафты, ее климат и решила навсегда остаться здесь. И она никому не причиняла вреда. Ну верно, она частенько бранила своего боя, но зато она же делала ему подарки, покупала одежду, выстроила для него кирпичный домик позади бунгало и никогда не перегружала работой. Бой, хлипкий кикуюю родом из Рунгея, в армии, кажется, был поваром, но после войны долгое время слонялся без работы, пока не попал к ней. Еще был у нее пес, который очень привязался к бою. Мисс Линд прямо-таки трогала их дружба. И вот однажды темной-темной ночью бой постучал в дверь и попросил скорее отворить. Она открыла, и на нее накинудись двое. Они поволокли ее в гостиную. Бой шел за ними. Ее взгляд молил о помощи, но он только скалил зубы. Она думала, что они убьют ее и, оправившись от первого испуга, примирилась со смертью. Но все было гораздо хуже... Говорят, в таких случаях женщины либо отчаянно сопротивляются, либо теряют сознание. Но ей было отказано в этом благе... Она оцепенела от ужаса, но не лишилась чувств и запомнила все, что произошло, до мельчайшей подробности...

Спустя некоторое время двоих бандитов арестовали и повесили, но боя так и не нашли. Ей пришлось купить и натаскать новую собаку взамен прежней, которую слуга отравил в ту ночь.

До сих пор ей чудится этот тяжкий запах распяленного мужского тела, видятся безумные, дикие глаза... Нет, никогда она не забудет этого, до самой смерти...

Томпсон с трудом скрывал отвращение, которое внушал ему звук ее голоса, ее вид, самое ее присутствие. Они разошлись в разные стороны, испытывая страшную неловкость от этого приступа откровенности. Он злился на себя, что думает все об одном. Наваждение какое-то!.. Ну а если бы дог мисс Линд разорвал Каранджу в клочья, что тогда?.. Какую свирепую злость прочел он в глазах африканцев... И эта зловещая тишина... Как тогда в Рире... Заключенные молча сидели на земле, отказавшись

от воды и пищи... Твердые как сталь. И глаза, повсюду глаза... Бессонные ночи, неотвязная мысль: как сломить их упрямство? В ночной тьме он видел их глаза... Такие же глаза были у африканцев, столпившихся у библиотеки.

На посту районного комиссара Джон Томпсон служил во многих провинциях Кении. Он был трудолюбив, его ценили за умение «обращаться с африканцами». Перед ним открывалась блистательная карьера колониального чиновника. В первый же год чрезвычайного положения он получил назначение в концлагерь. Ему предстояло превращать «бандитов мау-мау» в лояльных подданных британской короны. И вот Рира стала его трагедией, его злым роком. Заключенные объявили голодовку, в ответ их избили — так, вполсилы, — но одиннадцать человек отдали богу душу. Каким-то образом факт этот попал в газеты. Томпсон был старшим офицером лагерной охраны, и его имя замелькало в мировой печати, его склоняли на все лады в палате общин. В один день он стал знаменит. Для расследования инцидента была создана комиссия, а его поспешно уволили с колониальной службы, которую он так любил, и пристроили на гитхимской станции. Томпсон до сих пор не оправился от удара. Вспоминая о Рире, он всякий раз заново переживал несмыслаемое унижение.

И сегодня в глазах африканцев он точно читал свой приговор. Случись что-нибудь с Каранджей — и снова комиссия, с той только разницей, что теперь в стране черное правительство.

Нет, сегодня нечего и думать о делах. Завтра он все закончит. Закрывая окно, он вновь вспомнил давешнее и содрогнулся. В конце коридора его ждал Каранджа. Что ему надо? Что ему надо?!

— В чем дело?

— Я отнес письмо.

— Ну и что?

— Хочу сказать вам спасибо.

Томпсон вспомнил, как Каранджа изворачивался перед мисс Линд. Холодно взглянув на него, он проследовал к выходу. Потом передумал, окликнул Каранджу:

— Что касается собаки...

— Да, сэр?

— Не беспокойся. Я этим займусь.

— Спасибо, сэр.

И Томпсон зашагал дальше, кипя от бешенства. Дожили! Приходится лебезить перед Каранджей!

На глаза навернулись злые слезы. Ничего не видя вокруг, он кинулся к машине.

* * *

Томпсону хотелось рассказать Марджери о мисс Линд. Дважды он открывал рот, но спохватываясь, заговаривал о невыносимой жаре. Он пытался думать о будущем: завтра — прощальная вечеринка, послезавтра — домой, в Англию. Что-то ждет их там?.. Но мысли упорно возвращались к тому, что уже стало прошлым, причем к разным пустякам, вроде сегодняшнего эпизода с собакой.

— Хорошо провел время в Найроби? — Как ни была Марджери занята собой, она уловила беспокойство мужа.

— Так и не удалось выбраться.

— Почему?

— Работы много накопилось, — буркнул он, укрывшись за старым номером «Панча».

— Но теперь-то уж, надеюсь, конец?

— Я просмотрел архив. Осталось ответить на несколько срочных писем. И тогда все, можно передавать дела.

— Нашли кого-нибудь на твоё место?

— Да нет пока...

— А вдруг это будет африканец? Я слышала, они прямо помешались на африканизации.

Он дернулся, словно булавкой уколотый, журнал свалился на колени. Видение, представшееся ему днем, вернулось вновь и стало еще ярче: разбитые мензурки и колбы на полу, гора писем, оставшихся без ответа, пыль, клочки бумаги, запустение... Для кого он старался, приводил дела в идеальный порядок? Чужой человек придет в его кабинет, сядет в его кресло... Он заранее ненавидел своего преемника. Подобную мучительную боль испытывают люди, уверовавшие в свою незаменимость, когда оказывается, что их школа, университет или клуб готовы расстаться с ними без сожаления ради легкомысленных и беспечных новичков. Даже вещи, к которым ты привык, изменяют тебе... Он злобно глянул на супругу. Пожалуй, и она способна предать его. Если бы он погиб в Рире, разве бы она не вышла снова замуж? Он спихнул «Панч» с колена и зашагал к двери, так ничего и не ответив. Через некоторое время он вернулся со стопкой старых записных книжек и каких-то бумаг и принялся разбирать их.

Марджери встала, чтобы пойти на кухню и вымыть посуду. Убирая чашку мужа, она умышленно замешкалась. Ей вспомнилось время, когда он не поступил еще на колониальную службу. Тот Джон делился с ней решительно всем, заражая ее своим оптимизмом и радужными надеждами. Он только что вернулся в Оксфорд из армии, с африканского фронта... Растроганная воспоминаниями, она готова была приласкать его, разгладить морщинки, отвлечь от тягостных мыслей. Но порыв этот длился лишь какую-то долю секунды. Торопливо собрав на поднос чашки, она ушла на кухню. Когда же, собственно, началось их отчуждение? Быть может, виною всему его работа? Ведь поступив на службу, он только и помышлял, что о продвижении. Его душа закрылась для нее, лицо сделалось непроницаемым. В конце концов у нее не осталось и крупинки чувства к нему. Когда потрясло это несчастье в Рире, она старалась как-то поддержать, приободрить его, но ловила себя на том, что не испытывает искреннего сочувствия к мужу. Ей были безразличны его заботы. Наблюдая за его усилиями выдвинуться, она ощущала странную неловкость, словно ребенок, увидевший вдруг, как взрослый дядя с сачком неуклюже гоняется за бабочкой.

Марджери обладала счастливой способностью не задумываться надолго о чем-то одном, и она еще не кончила мыть посуду, как уже мысли ее перескочили на ту горячую дрожь, которая охватила ее утром. «Как странно... — размышляла она, припоминая во всех подробностях встречу с Каранджей. — Быть может, это оттого, что я навсегда уезжаю из Африки? Или это признак старости? Африканская жара так пагубно влияет на женщин...» Она грустно улыбнулась: неужто и в кухоньке этой она в последний раз и никогда уже больше не увидит Гитхимы? Никогда... А что станет с садом при новом хозяине?.. Каждый уголок здесь, мебель, стены так много значили для нее. За годы их многочисленных переездов из одной провинции в другую ни к одному дому не привязывалась она так, нигде не чувствовала себя такой легкой, раскованной, открыленной.

В Гитхиме она встретила доктора Дайка, и в ней шумно пробудилось нечто такое, чего она в себе даже не подозревала. При виде его она забывала обо всем, ее охватывало веселящее, жизнеутверждающее изнеможение. Она прощала ему даже это омерзитель-

тельное пьянство, этот грубый мужицкий хохот. Он был полной противоположностью Джону, который всегда безукоризненно одевался, безукоризненно держался и ни разу в жизни не выпил лишнего. Словно подменили Марджери... Таинственность, риск, бунтарская радость бросить вызов приличиям и условностям только обостряли привлекательность их связи. Восторг первой ночи, восторг секунд, сотканных из страха, любопытства, изумления...

Джона вызвали по делу. Забыв о ней, он уехал с вечеринки, и она поняла, что это неизбежно... И когда Ван предложил отвезти ее домой, она едва удержалась, чтобы не сжать ему руку в знак признательности. Когда он остановил машину в молодом перелеске, она смежила веки, прильнув к его губам.

— Пойдем на заднее сиденье, — шепнул он ей на ухо.

— Ах, Ван, только не сегодня...

— Сегодня, сейчас, — перебил он, сдирая с нее платье.

Она безмолвно покорилась, теснее прижалась к нему, выдохнув только:

— Осторожнее с платьем... О!..

Судорожные движения его тела заглушили крик, ей показалось, что весь мир летит в бездну. В лесу было темно и тихо, только непрерывно трещали цикады. Потом она плакала, со страхом думая о том, как посмотрит в глаза мужу.

— Чего ты плачешь?

— Муж!..

— Да ну его к черту! — буркнул он.

Их роман не был ни счастливым, ни безмятежным. Она все время ревновала его. На вечеринках он вечно болтал и смеялся с другими женщинами, но не устраивать же ему сцены при всех! И она выкрикивала ему обиду с глаза на глаз, в дорогие, краденые секунды, отпущенные для счастья. Однажды Джон уехал в Уганду на какую-то конференцию. Доктор Ван пришел к ней. В тот вечер он впервые заговорил о метеорологии. Он был трезв, обходил-ся без ругани. Кажется, он любил свое дело.

— Многие не отдают себе отчета в том, что значит быть синоптиком в Кении. В других странах — в Англии, скажем, — где рельеф относительно ровный, легче установить, куда сместятся зоны с низким давлением. А в Кении, с ее пересеченным рельефом, смена давления происходит резко и неожиданно, и предсказывать здесь погоду чрезвычайно трудно.

— Но есть же тут и свои преимущества?

— Безусловно. Работать в Кении удивительно интересно, приходится учитывать столько особенностей!..

Разговор увлек ее. Перед нею открылся новый мир, куда многообразнее и шире ее школьных познаний о дождемерах, флюгерах, изобарах, зонах низкого давления и воздушных потоках.

Это был их единственный серьезный разговор. Уже в следующий раз она начала выпытывать у него подробности его прежних романов.

— К черту! Что, я твой муж, что ли? — раскричался он и ушел. Было уже очень поздно, она чувствовала себя одинокой и несчастной. «Видеть его больше не хочу!» — внушала она себе. А утром отослала ему записку, умоляя прийти поскорее.

Довольно часто у нее бывали приступы безжалостного самоанализа. Она пыталась взглянуть на свои отношения с мужем беспристрастно, со стороны. Без сомнения, Джон значил для нее очень много, и она принадлежит ему до конца. Но разве весь смысл замужества лишь в этом? Утопая в трясине

ненависти к себе, раздираемая чувством вины, она проникалась нежностью к мужу. Ее охватывало желание сознаться ему, исповедаться, облегчить душу раскаянием. В такие минуты она презирала Дайку. Но чем сильнее разгоралась ее ненависть, тем яснее сознавала она его власть над собой. Она нуждалась в нем, ее влекла эта бездна диких и необузданных, неведомых дотоле страстей. Ревнивый страх не давал ей покоя — вдруг он изменит ей?..

А потом его сшиб поезд... К удивлению своему, она не испытала даже грусти. Напротив, ее первым чувством было блаженство вновь обретенного покоя. И только спустя некоторое время ее обуряла неясная тревога, тоска, как бывает с человеком, который чувствует, что обронил, потерял какую-то вещь, но не знает, что именно. Она вновь занялась цветами — а то было совсем забросила свое увлечение.

Все эти обрывки мыслей и воспоминаний роились в голове у Марджери, пока она перемывала посуду. Печаль и горечь уступили место усталой, привычной досаде на мужа. Независимость вторглась в их судьбу, приходится начинать жизнь заново, а он молчит как сыч, ведет себя так, словно ничего не случилось. Супруги должны делиться друг с другом своими мыслями, заботами... Нет, сегодня она заставит его заговорить!

Перетерев посуду насухо, Марджери решительно направилась в гостиную. Джон просматривал записные книжки, делая какие-то пометки на листе бумаги. Пальцы его подрагивали. Наклонившись, она обвила его шею, прикоснулась губами к мочке уха. Она изумлялась собственной отваге — ничего подобного не происходило вот уже несколько лет. Но тут ее решимость внести наконец ясность в их отношения исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Не засиживайся, — сказала она уже по пути в спальню.

(Продолжение следует)

АМХАРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*

**Болезнь глаза видна,
болезнь сердца скрыта.**

*

**В доме, где часто ссорятся,
курица долго не проживет.**

*

Вместе с вором бей его защитников.

*

Глупый орел берет в компаньоны сокола.

*

**Гость вначале подобен золоту,
потом серебру, потом железу.**